

АЛЕКСАНДР АРЕФЬЕВИЧ УСПЕНСКИЙ (1872 – ПОСЛЕ 1945)

Порою невозможно сказать, каким образом сложится судьба человека. Касалось, Александр Арефьевич Успенский, будучи выпускником Литовской духовной семинарии, должен был пойти по церковной стезе. Однако в 1891 году на правах вольноопределяющегося он пошел рядовым в 108-й Саратовский полк, что стало началом карьеры этого блестящего русского офицера.

Первая мировая война застала А.А. Успенского уже в чину капитана командиром 16-й роты 106-го Уфимского полка (27-я дивизия 3-го корпуса, располагавшегося в центре 1-й русской армии генерала П.К. фон Ренненкампа). Взрывом патриотизма и многотысячными манифестациями ответило российское общество на объявление войны Германией. Офицеры воспринимали начавшуюся войну более серьезно, как реальный экзамен их мужеству и чести. Не случайны и мысли, первыми посетившие капитана:

«Главное, – думал я, – не опозориться, не осрамиться со своей ротой, а умереть – все равно – суждено только один раз и, ведь, так красиво умереть за Родину на поле брани».¹

Как и многие другие офицеры, приверженный идеалам самопожертвования, чести и служения, А.А. Успенский не мог отделять свою жизнь от того, во что верил. Вероятно, отсюда и первые страхи (еще до начала боев), связанные не с возможной гибелью, а – позором. Недаром накануне перехода армией восточно-прусской границы 17 августа офицеры хоть и имели приподнятое боевое настроение, но мало спали, испытывая понятное чувство волнения и осознавая серьезность обстановки.

Первый день на вражеской территории 3-й корпус начал с боя у Шталлупенена (где его атаковал 1-й германский корпус генерала Г. фон Франсуа). 27-я дивизия ввязалась в бои около Герритена, причем 106-му полку пришлось показать чудеса отваги во время атак укрепленных позиций. Вспоминая тот бой, А.А. Успенский честно пишет о страхе смерти, невольно овладевшим им, но с которым помогала бороться вера:

«Мысленно я прощался с жизнью и исступленно молил Бога, (вот когда ярко вспыхнула вера!) если на то Божья воля, – сразу отнять мою жизнь, чтобы не мучиться тяжело раненым... Но, вот, мы перебежали на новую позицию... Нужно скорее открыть огонь,

¹ Успенский А.А. На войне. Восточная Пруссия – Литва. Каунас, 1932. С. 17.

указать взводным цели и напомнить о прицеле, пополнить патроны и т.д. Значит, предаваться страху некогда...».²

В первый бой боятся все, однако герои и трусы ведут себя по-разному. Несмотря на страх, А.А. Успенский продолжал руководить ротой, направив ее на левую опушку д. Допенен. При поддержке других частей цепи вскоре смогли ворваться в деревню. К сожалению, невнимательность командования к флангам привела к разгрому соседнего полка и отступлению (в ряде случаев – увы – бегству) дивизии к границе. Однако под напором остальных соединений русской армии немцам самим пришлось отступить. Было бы преувеличением говорить о деморализации 27-й дивизии или потери боеспособности. Это доказало крупное Гумбинненское сражение, произошедшее 20 августа.

Немцы успешно атаковали наш правый фланг, где разбили 28-ю пехотную дивизию. Им удалось добиться ограниченных успехов и на левом русском фланге. Однако в центре германцев ждало разочарование. Все атаки их 17-го корпуса (которым командовал генерал А. фон Маккензен, в будущем прославленный маршал) разбились о стойкость нашего 3-го корпуса, в первую очередь – 27-й дивизии. Особую отвагу проявил 106-й полк, занимавший позицию у д. Маттишкемен. Он целый день сдерживал наступление превосходящих сил, а когда вечером противник стал отступать, уфимцы сумели взять 4 орудия, 8 зарядных ящиков, 6 пулеметов и 900 винтовок. Так завершилось Гумбинненское сражение, ставшее крупнейшим успехом русского оружия в Восточной Пруссии в 1914 году. Немецкая армия отступила, открыв перед нами дорогу вглубь провинции.

Но не об одних боевых действиях пишет Успенский. Если внимательно читать его мемуары и просто отслеживать, к каким сюжетам он чаще всего обращается, то несложно определить наиболее важные идеалы в его «картине мира». Среди них: боевое товарищество и подвиги однополчан; семья, оставшаяся далеко в тылу; истинно-христианская вера в Бога, которая позволяет побеждать страх и оставаться, прежде всего, человеком (побороть ожесточение); сострадание к другим, пусть даже немцам, официальным врагам. Даже спустя двадцать лет, когда, казалось бы, чувства должны притупиться, он вспоминает подобные моменты:

*«На высоком крыльце, с изумлением заметил я сидящую седую старуху-немку. Ее трагически-мрачную фигуру временами освещал отблеск пожара... – Что она переживает? – думал я, – Где ее семья? – Почему она осталась? Что будет делать старая женщина, одна на пепелище пожара?...»*³

Это дает нам лучше понимание А.А. Успенского как офицера и человека, его представления о Должном. Конечно, мир намного богаче, и вероятно, многие сюжеты были специально опущены мемуаристом. Так, тепло отзываясь о начальнике дивизии генерале К.М. Адарики, капитан обходит стороной скандал, сопровождавший отстранение того от

² Успенский А.А. Указ. соч. С. 28-29.

³ Успенский А.А. Указ. соч. С. 105.

должности в начале ноября. Как бы то ни было мемуары дают отражение нормативных взглядов А.А. Успенского, высоких идеалов (которые так неполно воплощены в реальности), что уже ценно для вдумчивых потомков, т.к. важно не только, что *было*, но и к чему *стремились*. Интересно отметить, что в воспоминаниях нет ни намека на героизацию войны, чем любили заниматься недалекие журналисты и поэты (преимущественно сидевшие в тылах). Наоборот, Успенский, глубже и ближе понимавший это явление, пишет о войне как Божией грозе, трагедии, отдавая себе отчет в тех разрушениях и несчастьях, которые она несет.

Наиболее славным местом в карьере этого русского офицера стал бой 9 сентября у г. Алленбург. К тому времени германцы в Танненбергском сражении успели нанести поражение русским войскам на юге провинции, а затем, усилившись, атаковали во фланг 1-ю русскую армию, которой под напором пришлось поспешно отступить. У Алленбурга находился один из мостов через р. Алле. Для его охраны был создан отряд капитана А.А. Успенского из роты и команды саперов 106-го Уфимского полка, команды разведчиков 107-го Троицкого полка и 6 орудий из 27-й артиллерийской бригады. Особо тяжелым было то, что командование не выделило пулеметов, боясь, как бы те не попали в руки врага.

Вечером 8 сентября, когда вся армия переправилась за реку, завязались первые перестрелки. Но сам бой начался на следующий день с подходом основных частей немецкого Гвардейского резервного корпуса генерала Гальвица. Команда разведчиков под командованием поручика *Ивана Зубовича* доставляла верные сведения о противнике, что дало возможность нашей артиллерии обстрелять его и остановить. Благодаря хорошо проведенным инженерным работам противник вел огонь «вслепую» и поэтому потери в отряде были минимальны. Даже генерал Гальвиц отмечал:

*«Окопы противника, искусно расположенные на покрытых кустами холмистых берегах р. Алле, были едва заметны. Их батарею мы не могли открыть... Нам еще не доставало опыта, чтобы овладеть такими позициями».*⁴

Во второй половине дня германцы предпринимали бесплодные атаки, шли на хитрости и даже запустили аэроплан. Вечером была получена информация о том, что противник подбирается к мосту по долине реки, тогда А.А. Успенский решил отвести отряд. Когда немцы увидели, что наши не стреляют, то направились к окопам. Взвод подпрапорщика *Карпенко* подпустил их довольно близко и открыл огонь. Часть германцев полегла, другая разбежалась. В итоге, всему отряду удалось переправиться через реку. Общие потери составили 57 человек. За этот бой капитан А.А. Успенский был произведен в подполковники, правда, приказ об этом вышел летом 1915 г., а в 1916 году был представлен к ордену Св. Георгия 4-й ст.⁵, но награждение, к сожалению, не произошло.

⁴ Гололобов М. Бой отряда капитана Успенского у Алленбурга // Рейтар. 2006. № 6. С. 214.

⁵ Успенский А.А. Указ. соч. С. 164.

А.А. Успенский стал участником и Второго наступления в Восточной Пруссии, хлебнув все горести позиционных боев (к примеру, у д. Капсодзе и Герритен) и медленного продвижения в течение осени от р. Неман до р. Ангерапп (когда войска 1-й армии вошли в состав 10-й). Последними сражениями, в которых участвовал капитан, стали события в Августовских лесах в феврале 1915 года. Русское командование поздно разгадало замысел противника, равно как разведка проглядела сосредоточение его крупных сил против наших флангов. В итоге мощного наступления, начатого 7 февраля, 10-я армия была вынуждена отойти. Центральный 20-й корпус (куда была передана 27-я дивизия) задержался на позициях на сутки, что стало роковым.

12 февраля у деревни Грюнвальде пришлось выдержать тяжелый арьергардный бой. Затем бои перекатились на русскую территорию, в Августовские леса, где 20-й корпус был окружен. Колоссальные потери, недостаток боеприпасов, тяжелые погодные условия отягощали положение окруженных. А.А. Успенский вспоминал:

«Голод, изнурение от бессонницы усталость отнимали последние силы у офицеров и солдат. Прямо не верится, но многие из нас на ходу спали... При малейшей остановке почти все валились на снег и засыпали нервным сном, вскакивая и иногда спросонок безумно крича... В глазах стоял туман, в голове кошмар...»⁶

За ошибки командования офицерам и солдатам приходилось расплачиваться героизмом. Так, 16 февраля одна из колонн (в составе двух полков 106-го и 108-го) наткнулась на вражескую дивизию у дд. *Серский Ляс* и *Махарце*. В ходе решительной атаки немцы были выбиты из населенных пунктов, удалось взять в плен более 1000 человек, несколько пулеметов и артиллерийскую батарею.

Корпус сражался до конца, некоторым частям посчастливилось выйти из окружения, но, к сожалению, не 106-му полку. К концу эпопеи, 21 февраля, в нем осталось менее 200 человек. Загнав болото, противник пленил остатки 20-го корпуса, которые даже в последний момент пытались перейти в контратаку. Среди пленных оказался и А.А. Успенский. Первые ощущения - стыд и позор плена. *«Какое счастье, что наши солдаты в этот момент уже были от нас отделены!»*, – написал потом Александр Арефьевич, т.к. не было ничего позорнее, нежели быть пленным на глазах собственных подчиненных.

Церковь в лагере военнопленных в Гнаденфрей, Германия. Устроенная на чердаке жилого помещения. Всё сделано из картона и сатина. У иконостаса стоит ктитор подполковник А. Успенский.

Остаток войны капитан (а с лета 1915 года – подполковник) Успенский проведет в лагерях для военнопленных, разделив участь миллионов русских солдат и офицеров. В 1918 году он будет отпущен и вернется домой, в Литву, где поступит на службу в Литовскую армию. Затем выйдет на пенсию, поселится в Каунасе. Здесь он напишет мемуары и

⁶ Успенский А.А. Указ. соч. С. 210.

окунется в культурную жизнь. Будет играть на сцене под псевдонимом Холмский. Но в конце 1920-х после выхода со сцены в зал в варьете «Скала» в офицерской форме ему запретят носить ее. Последующие годы он потратит на просьбы (дойдет вплоть до президента) вернуть ему право на ношение. Участие в спектакле А.А. Успенский объяснит нуждой и невозможностью жить на маленькую пенсию, недостаточную для содержания семьи и оказания помощи сыну, томившемуся на Соловках. После оккупации республики советской армией в 1940 году А.А. Успенский эмигрирует, будет жить в Праге. Окончательно след этого русского офицера, верой и правдой служившего Отечеству, теряется после 1945 года.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.